

E.O. Oparina

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, ellenoparina@gmail.com*

В статье рассматривается явление языковой идеологии (англ. *language ideology*) как фактора, влияющего на выбор определенного естественного языка в тех или иных сферах и ситуациях общения. В условиях доминирования английского языка как главного средства межнационального общения в современном мире выбор часто приходится осуществлять между своим (национальным) и английским языком. Языковая идеология, определяемая культурно-историческими и психологическими предпосылками и традициями, по механизмам реализации отличается от явлений языковой политики и языкового менеджмента, однако в действительности эти факторы обычно действуют совместно. Влияние различных языковых идеологий на выбор языка общения анализируется в данной статье на примере трех дискурсов: интернет-коммуникации, высшего образования и повседневного общения.

Ключевые слова: языковые идеологии; национальный язык vs язык межнационального общения; интернет-коммуникация; английский язык в высшем образовании; идеология «северного единства»; lingua franca в Северной Европе.

Поступила: 20.04.2017

Принята к печати: 05.05.2017

E.O. Oparina

Language ideologies as a factor of language functioning in the contemporary world

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, ellenoparina@gmail.com*

The article deals with three factors that influence the choice and functioning of a language as a means of communication in the globalizing world, i.e. the notions of

language policy, language management and language ideologies. The study shows their difference as far as their mechanisms are concerned. But these phenomena practically act in cooperation with each other, and in the article their impact is illustrated on the examples of *native vs. English* language use in three discourses – Internet communication, higher education and everyday communication.

Keywords: language ideologies; national language vs dominating English; internet-communication; English in higher education; ideology of Norden and lingua franca in North Europe.

Received: 20.04.2017

Accepted: 05.05.2017

Утверждение о том, что мы живем в эпоху интенсивных международных, а значит – межъязыковых и межкультурных контактов, является аксиоматичным. Современный мир становится все более глобализованным, и такое направление развития неизбежно затрагивает языковые явления. Одним из выраженных проявлений этого процесса стало усиление роли английского как ведущего языка межнационального общения. При этом распространение английского языка в качестве *lingua franca* происходит не только «вширь», т.е. территориально, но и «вглубь», «по дискурсам». Оно затрагивает наиболее высокостатусные сферы коммуникации, определяющие качество жизни, успешность и идеологию индивидов и целых социальных групп – английский язык распространяется в масс-медиа, образовании, экономике, науке. Как пишет И.К. Сескутова, «сегодня без знания английского языка не только трудно получить хорошее образование и построить успешную карьеру, но и просто путешествовать по миру. Число людей, владеющих английским языком, во всем мире неуклонно возрастает» [Сескутова, 2015, с. 49]. Лидирующее положение английского языка как средства межнационального и межкультурного взаимодействия подтверждается в указанной работе статистическими данными о распространении наиболее популярных современных языков и о количестве жителей разных стран, владеющих английским [там же, с. 50–51].

В последние десятилетия в процессе распространения английского языка большое значение имеют такие факторы, как интернет-коммуникация и возросшая мобильность населения. Значительную роль играют мобильные группы «по профессиям», такие как рабочие-мигранты, бизнесмены, журналисты, студенты и преподаватели. Представители этих профессий, которые часто уезжают работать в другую страну, оказывают влияние на распространение

нение английского языка не только в повседневном общении, но часто – и в отмеченных выше «престижных» сферах деятельности [Опарина, 2015].

Захват английским языком доминирующих позиций в коммуникативном пространстве неизбежно отражается на положении других языков. Многие лингвисты характеризуют такую ситуацию как угрозу, в том числе тем языкам, которые обладают достаточными внутренними ресурсами и традициями употребления в разных областях жизнедеятельности. Так, У. Аммон пишет о снижении веса немецкого языка по мере расширения коммуникации на английском – как в мире, так и на территории современной Германии. Это происходит, как считают ученые и рядовые носители языка, в том числе вследствие обучения английскому языку с раннего возраста [цит. по: Комалова, 2015].

С другой стороны, высказываются предположения о преувеличенностии опасений, прежде всего – по поводу судеб мажоритарных языков. Данная точка зрения обосновывается тем, что распространяющийся по миру английский язык в большинстве случаев функционирует не изолированно, а в контакте с другими языками. Если при этом имеют место билингвизм значительной части населения или двуязычие / многоязычие страны, то такая ситуация, как правило, сохраняется [Coetzee-Van Rooy, 2013].

В современных исследованиях по теме «язык и общество» выделяются и активно исследуются два понятия: «языковая политика» и «управление языком» (англ. language management). Объектом языковой политики является применение языков в регулируемых (институциональных, официальных) сферах общения [Михальченко, 2015]. Она представляет собой совокупность мер, которые разрабатываются и применяются государством и его институтами для сохранения или изменения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для нормирования языков [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. При изучении закономерностей управления языком, или языкового менеджмента, центром внимания становятся политические, экономические, социокультурные аспекты доминирования посредством языка, а также проблемы, касающиеся доступа к публичным дискурсам, связанным с указанными сферами и, соответственно, с вопросами власти посредством языка [Van Дейк, 2015; Сескутова, 2015].

Нам представляется, что при изучении круга проблем, связанных со статусом и применением языка, следует учитывать фактор, который в англоязычных социолингвистических работах обозначается термином *language ideology* (во множественном числе *language ideologies*)¹. Данный термин, который мы переводим как «языковые идеологии», обозначает установившиеся в языковом коллективе традиции отношения к своему языку и предпочтения в применении своего или чужого языка в тех или иных ситуациях общения, в тех или иных дискурсах [Daily-O'Cain, 2013]. Таким образом, понятие языковой идеологии связано с культурными, историческими и психологическими факторами, обусловливающими функционирование и роль языка. Они часто складываются в языковом сообществе «снизу», обычно – в течение достаточно длительного периода времени, и не подлежат прямому государственному регулированию. Однако государственные институты могут оказывать на них опосредованное влияние.

Языковые идеологии проявляются в разных областях общества, они могут затрагивать целые языковые коллективы и небольшие группы говорящих, объединенных субкультурой или общей практической деятельностью. Например, влиянием языковой идеологии можно объяснить специфику переключения кода в блогах немецких и голландских пользователей социальных сетей, отмеченную в статье Дж. Дейли-О'Кейн [Daily-O'Cain, 2013]. Дискурс пользователей «живого журнала» (*livejournal.com*), большинство из которых находятся в возрасте от 20 до 30 лет, демонстрирует значительные различия в принципах включения ими в коммуникацию на родном языке фрагментов английского. Были выделены следующие типы английских включений в немецкие и нидерландские тексты: 1) отдельные лексические единицы, в том числе принятые в Интернете наименования жестов и интонации; 2) цитаты и устойчивые выражения, принятые в разговорном английском; 3) фразы, созданные пользователем социальной сети в процессе коммуникации. Понятно, что две последние разновидности требуют более высокого уровня владения английским языком и практики его применения, чем использование отдельных слов.

¹ Термин часто применяется во множественном числе, что связано с существованием различных языковых идеологий.

Анализ данных показал, что голландские пользователи значительно превосходят немецких как по количеству вводимых в текст англоязычных единиц, так и по разнообразию их типов. Голландская база данных *livejournal.com* содержит в целом значительно больше англоязычных элементов, чем немецкая (37,1% против 1,1%), при этом они принадлежат к разным структурным типам. Немецкие пользователи, в отличие от голландских, практически всегда ограничиваются введением в тексты на родном языке только отдельных лексических единиц. Дж. Дейли-О'Кейн объясняет такие расхождения разным отношением к своему и к английскому языкам в двух странах, т.е. разными языковыми идеологиями. Что касается немецкого языка, число его носителей значительно выше, чем число говорящих на нидерландском; немецкий шире распространен в мире. Поэтому, несмотря на снижение роли немецкого языка вследствие наступления английского в последние десятилетия, носители немецкого чувствуют себя более «самодостаточными» в лингвистическом плане. Как показало исследование Дж. Дейли-О'Кейн, эта традиция влияет на молодых носителей немецкого языка и проявляется в относительно новом канале общения, каким является Интернет с его социальными сетями.

Нидерландский язык, в силу меньших размеров страны и меньшего числа говорящих, находится в другой ситуации. Страна давно открыта иностранному влиянию, и ее жители в большей степени привыкли к изучению иностранных языков, чем носители немецкого. В современных Нидерландах английский язык широко представлен в образовании и визуальных массмедиа, где англоязычные тексты обычно не дублируются, а звучат в оригинале и сопровождаются субтитрами. В результате, как отмечает Дж. Дейли-О'Кейн, у современных голландцев выработалось особое отношение к английскому: для них это не столько язык другой нации, сколько язык международного общения, который принадлежит всем, кто им владеет. Поэтому они обращаются с ним более свободно, при необходимости комбинируя его со своим родным языком в повседневной коммуникации [Daily-O'Cain, 2013]. Таким образом, поведение немецких и голландских пользователей «живого журнала» проявляет разные языковые идеологии представителей двух языковых сообществ, и эта разница выражается в особенностях переключения языкового кода в интернет-коммуникации.

В проанализированной ситуации языковая идеология выступает как фактор, зависящий от индивидуального выбора коммуникантов в неформальном общении и вместе с тем проявляющий особенность группы говорящих. Культурно-исторические обстоятельства и имеющиеся в языковом сообществе традиции формируют закономерности применения языкового кода, которые становятся коллективными. При этом, как было показано, языковая идеология может обуславливать выбор в пользу как своего, так и чужого языка или его элементов в определенном дискурсе.

Однако влияние языковой идеологии часто проявляется в комбинации с факторами, относящимися сферам к языковой политики и управления языком (языкового менеджмента).

Одним из примеров совместного действия языкового менеджмента и языковой идеологии является, как нам представляется, круг вопросов, связанных с преподаванием ряда курсов на английском в университетах Европы и с отношением к этому феномену. Университеты, в которых принята такая практика, в англоязычной терминологии называются *international universities*, т.е. «международными университетами». Их появление свидетельствует о создании глобального рынка высшего образования, в котором английский язык доминирует. Англизация одной из наиболее важных сфер современной коммуникации повышает возможность носителей английского влиять через язык на ключевые области жизнедеятельности в разных странах и регионах мира. Значительную роль в практике введения англоязычных курсов в программы обучения играют экономические соображения со стороны самих университетов, которые дополняются стремлением повысить свой престиж: преподавание на языке межнационального общения позволяет привлечь студентов и преподавателей из разных стран. Таким образом, ситуация в первую очередь определяется фактом *language management* [Haberland, Mortensen, 2012].

Однако выбор подобной практики во многом зависит от общей языковой ситуации в стране, в том числе от традиций применения своего языка в разных сферах коммуникации, от отношения к английскому языку – т.е. от культурно-исторических и психологических условий, обозначаемых понятием языковой идеологии. Ведущее положение в Европе по масштабу применения английского языка в высшем образовании занимают четыре страны: Нидерланды, Германия, Финляндия и Швеция. Об отношении к ан-

лийскому языку в Нидерландах говорилось выше, при анализе применения языков в интернет-коммуникации, и положение в сфере высшего образования представляется подтверждением выводов исследователей. Финляндия также отличается особенностью, способствующей распространению английского языка в высшем образовании. Финский язык, принадлежащий к финно-угорской языковой семье, по структурным и лексическим характеристикам резко отличается от языков большинства европейских стран и потому труден для изучения иностранцами. Поэтому язык межнационального общения широко применяется жителями Финляндии, в том числе в образовании и науке. Жители Швеции, как и большинства других стран Скандинавии, традиционно отличаются «дружественным» отношением к английскому языку. Поэтому распространение английского языка в университетах этих стран закономерно [Östman, Thøgersen, 2010].

Вместе с тем практика включения англоязычных курсов в программы университетов Европы нередко получает негативные оценки со стороны ученых, в том числе в странах, где такая практика распространена. Например, О. Рёш, немецкий специалист в области германистики и межкультурной коммуникации, считает, что многоязычие в университетах Германии не должно подрывать позиции немецкого языка в академической сфере. Англоязычные программы обучения квалифицируются О. Рёш как маркетинговый инструмент, свидетельствующий о реальном наличии развитого международного общения в данной сфере. Она признает, что введение англоязычных университетских курсов является оправданным в ряде ситуаций, например если они предлагаются иностранным студентам, приехавшим в Германию по обмену, или немецким студентам, готовящимся к стажировке за границей. Однако в целом усилия следует направить на укрепление престижа немецкого языка, имеющего длительную традицию применения в академической среде и располагающего развитой научной терминологией [цит. по.: Трошина, 2016].

Совместное действие языковой идеологии и языковой политики проявляется при изучении традиций межнационального общения в странах Северной Европы. Исследователи этого вопроса [Östman, Thøgersen, 2010] подчеркивают, что в формировании языковой ситуации в странах Скандинавии, как и в формировании культурно-языковой идентичности народов этих стран, большую

роль играет идеология «северного единства». Эта идеология, обозначаемая термином *Norden*, культивируется в Скандинавии начиная с XIX в. Ее основой являются языковые и внеязыковые факторы: общность происхождения языков региона, принадлежащих к северной ветви германских языков, дополняется исторической и культурной общностью народов Северной Европы, определенным сходством менталитета, а также социально-политического устройства стран.

Эти социальные и культурные предпосылки формировались в течение длительного периода времени. Начало связано с периодом национального романтизма, характерного для Европы начала XIX в. Со второй половины XIX в. это течение поддерживалось мерами, направленными на языковое нормирование: в 1868 г. на встрече в Стокгольме были приняты решения, направленные на сохранение общих черт германских языков Скандинавии. После Второй мировой войны были созданы институты, занимающиеся вопросами языков и языковой политики внутри региона. Одной из целей опять же провозглашалось сближение языков, которое обеспечивало бы взаимопонимание их носителей без языка-посредника и без перевода. Одновременно обосновывались общие региональные интересы стран и народов Северной Европы. В настоящее время наблюдается очередная волна движения *Norden*, которая направлена на отстаивание региональной идентичности в условиях глобализации, предполагающей сильное англо-американское влияние. При этом продвижение институтами Скандинавии общих региональных интересов совмещается с внимательным отношением к потребностям отдельных сообществ внутри региона в социально-экономическом, культурном и образовательном планах.

Рациональная политика, направленная на укрепление роли языков региона и имеющая в своей основе языковую идеологию, оказывается на отношении жителей Скандинавии к своим языкам и к выбору языка в ситуациях межнационального общения. Исследование [Östman, Thøgersen, 2010], проведенное в форме опроса информантов из семи языковых сообществ Северной Европы¹, позволило выявить две тенденции. Большинство информантов из

¹ В эти сообщества входят население Дании, Исландии, Норвегии, Швеции, Фарерских островов и две языковые группы Финляндии – финноязычные и шведскоязычные жители страны.

разных сообществ высказывались в пользу укрепления роли скандинавских языков и сохранения их как *lingua franca* в регионе. Идеологическое обоснование подобного подхода проявляется в том, что в ответах часто повторяется мотив «*We must be able to understand each other*» («Мы должны уметь понимать друг друга» (перевод наш. – *E. O.*)).

Однако эта тенденция существует в странах Северной Европы одновременно с позитивным отношением к английскому как к языку-посреднику. Многие информанты признают, что разговаривать с представителями соседних стран на английском им проще, чем общаться на близкородственных языках без переводчика. При этом подходы различаются в зависимости от конкретной языковой ситуации в том или ином сообществе. Так, на Фарерских островах, входящих в состав Дании, распространен билингвизм, способствующий лучшему пониманию языка соседей, – в школах, помимо фарерского языка, изучается датский (эта территория входит в состав Дании). Поэтому жители островов высказались в пользу скандинавских языков как средства общения в регионе. С другой стороны, жители континентальной Дании отличаются большей склонностью к английскому языку, чем жители соседних стран: датский язык довольно сильно отличается от других языков региона, поэтому взаимопонимание при общении без языка-посредника затруднено. Таким образом, идеологический и практический факторы в вопросе о выборе языка регионального общения в Скандинавии в некоторой степени противостоят друг другу. Однако идеология «северного единства», поддерживаемая языковой политикой, способствует сохранению роли и статуса скандинавских языков в регионе и помогает противостоять тотальному доминированию английского. Вероятно, поэтому для Северной Европы не характерно негативное отношение к английскому как к навязываемому языку [Östman, Thøgersen, 2010].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании языковой идеологии как феномена, воздействующего (наряду с языковой политикой и «языковым менеджментом») на функционирование языка, в том числе в «высокостатусных» дискурсах, и этим способствующего сохранению его престижа в условиях давления со стороны английского. Языковая идеология определяется культурно-историческими факторами, формирующими психологию отношения к своему языку и традицию его употребления в раз-

личных дискурсах. Языковая идеология не создается прямым государственным регулированием, однако она может поддерживаться официальными институтами и на практике проявляется совместно с языковой политикой и управлением языком (*language management*) – факторами, напрямую связанными с институциональным регулированием языка и социально-экономическими предпосылками его употребления в разных сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – 2-е изд. – М., 2015. – 352 с.
2. *Комалова Л.Р.* (Реферат) Ammon U. Language conflicts in the Europena Union: On finding a politically acceptable and practicable solution for EU institutions that satisfies diverging interests // Intern. j. of applied linguistics. – N.Y., 2006. – Vol. 16, N 3. – P. 319–338 // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2015. – С. 158–168.
3. *Михальченко В.Ю.* Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2015. – С. 14–31.
4. *Опарина Е.О.* Английский в контакте с другими языками: Социокультурные, идеологические, pragmaticальные и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия (Науч.-аналит. обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2015. – С. 69–83.
5. *Сескутова И.К.* Английский язык в Европе XXI века: Приоритетные области и перспективы развития (Науч.-аналит. обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2015. – С. 46–68.
6. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – 312 с.
7. *Трошина Н.Н.* (Реферат) Rösch O. Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind unsere Ziele? // Der neue Hochschule. – Bonn, 2015. – Н. 1. – S. 18–24 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ. Сер. 6. Языкоznание. – М., 2016. – № 1. – С. 162–165.
8. *Coetzee-Van Rooy S.* Afrikaans in contact with English: Endangered language or case of exceptional bilingualism? // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2013. – N 224. – P. 179–207.

9. *Daily-O'Cain J.* The use and the discursive functions of English in native-language online conversation among Dutch and German youth // *Sociolinguistics: Intern. yearbook of European sociolinguistics*. – B.; Boston, 2013. – Vol. 27. – P. 146–166.
10. *Haberland H., Mortensen J.* Language variety, language hierarchy and language choice in the international university // *Intern. j. of the sociology of lang.* – B. etc., 2012. – N 216. – P. 1–5.
11. *Östman J.-O., Thøgersen J.* Language attitudes and the ideology of the Nordic // *Intern. j. of the sociology of lang.* – B. etc., 2010. – N 204. – P. 97–127.

References

1. *Van Deik T.A.* Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunicatsii / Per. s angl. – 2-ye izd. – M., 2015. – 352 s.
2. *Komalova L.R.* (Rec. ad op.) *Ammon U.* Language conflicts in the Europena Union: On finding a politically acceptable and practicable solution for EU institutions that satisfies diverging interests // *Intern. j. of applied linguistics*. – N.Y., 2006. – Vol. 16, N 3. – P. 319–338 // *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka*: Sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Otv. red. Troshina N.N. – M., 2015. – S. 158–168.
3. *Mikhailchenko V.Yu.* *Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoy Rossii* // *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka*: Sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Otv. red. Troshina N.N. – M., 2015. – S. 14–31.
4. *Oparina E.O.* Angliyskiy v kontakte s drugimi yazykami: Sotsiokul'turnye, ideologicheskie, pragmaticske i psikhologicheskie prichiny vybora yazyka obshcheniya v situatsii dvuyazychiya ili mnogoyazychiya. (Nauch.-analit. obzor) // *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka*: Sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Otv. red. Troshina N.N. – M., 2015. – S. 69–83.
5. *Seskutova I.K.* Angliyskiy yazyk v Yevrope XXI veka: Prioritetnye oblasti i perspektivy razvitiya. (Nauch.-analit. obzor) // *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka*: Sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya; Otv. red. Troshina N.N. – M., 2015. – S. 46–68.
6. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. Mikhailchenko V.Yu. – M., 2006. – 312 s.
7. *Troshina N.N.* (Rec. ad op.) *Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind unsere Ziele? // *Der neue Hochschule*. – Bonn, 2015. – H. 1. – S. 18–24 // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*: Ref. zhurnal. Ser. 6. *Yazykoznanie*. – M., 2016. – N 1. – S. 162–165.
8. *Coetzee-Van Rooy S.* Afrikaans in contact with English: Endangered language or case of exceptional bilingualism? // *Intern. j. of the sociology of lang.* – B. etc., 2013. – N 224. – P. 179–207.

9. *Daily-O'Cain J.* The use and the discursive functions of English in native-language online conversation among Dutch and German youth // *Sociolinguistics: Intern yearbook of European sociolinguistics*. – B.; Boston, 2013. – Vol. 27. – P. 146–166.
10. *Haberland H., Mortensen J.* Language variety, language hierarchy and language choice in the international university // *Intern. j. of the sociology of lang.* – B. etc., 2012. – N 216. – P. 1–5.
11. *Östman J.-O., Thøgersen J.* Language attitudes and the ideology of the Nordic // *Intern. j. of the sociology of lang.* – B. etc., 2010. – N 204. – P. 97–127.